

Виктория Черножукова

Поэт, прозаик, журналист, пиар-менеджер. Окончила факультет журналистики СПбГУ. Участник ЛитО под руководством В. А. Лейкина. Автор сценариев серии документальных фильмов и художественных выставок, ведущая рубрики «Женский взгляд» в журнале «Аврора». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Автор двух изданных книг прозы. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области журналистики за проект «Невская проза» (2020). Лонг-лист национальной литературной премии «Большая книга» (2023).

Из memories

Темный, мокрый вечер четверга. Мама ведет меня по пустым обрывкам улиц к набережной Фонтанки в твердыню ленинградской журналистики — Лениздат. Вокруг царит архитектурная нежность, и только это здание идеологически выдержано: никакой рыхлой лепнины, буржуазной пастели — чистая информация с пропагандой.

Пока мама улыбается вахтеру, я всматриваюсь в лица проходящих титанов, которые небрежно, по-свойски взмахивают красными картонками пропусков и продолжают свой важный литературный путь, не задерживаясь на вахте. Журналисты! Их слова могут убить, спасти и полки за собой повести. У других что: собака лает — ветер носит!

А тут — слово и дело сударево.

Мы поднимаемся по лестнице. Из открытой двери буфета пахнет ванильно-коричным духом. Хорошо бы зайти, но мама ведет дальше, партикулярными коридорами, мимо дверей, открытых и не очень: никотиновый туман, пишущие машинки, бумаги, бумаги!

Нам назначено. Одна мамина приятельница передала другой приятельнице, что в нашей семье растет высокоталантливая дочь. Я перехожу от редакторши к редакторше, как эстафетная палочка: мама затерялась на полосе препятствий. Финиш!

Сейчас решится: примут ли меня в поэты, или тщетны родительские надежды.

Я знаю, что говорить вслух о своих достижениях неприлично. Особенно когда ты — советский человек, что само по себе звучит гордо. Если тебе комсомолец имя, имя крепи делами своими, «я» — последняя буква алфавита. К пионерам это тоже относится. Но как удержаться!?

Я пишу стихи. Уже три. Одно — эпохальное произведение из восьми катренов, посвященное ветеранам — отмечено самим директором школы и с успехом прочитано на утреннике 9 мая. За другое — присуждено второе место в конкурсе «Буриме» во всероссийском пионерском лагере «Орленок».

Я приготовилась читать с выражением. Как Пушкин на лицейском экзамене в Царском Селе. Немного беспокоит полное отсутствие торжественности. Старые канцелярские столы, стулья, стопки печатных листов. Обошлось даже без портретов Толстого или Гоголя. На стульях расположились всякие дети: мальчики, девочки. Никто не сидит как следует: некоторые перетекли на столы манной кашей, а некоторые скрючились проволоочной головоломкой. И разговаривают между собой так, как будто в комнате нет никаких взрослых. Исполняющий обязанности старика-Державина — очки, усы, свитер — лишен представительности и похож на папиного приятеля дядю Гришу, который рассказывает неуместные смешные истории и поет под гитару.

— Здравствуй! Ты скажешь нам, как тебя зовут?

— Вика Черножукова.

— Надо же! Как тебя хорошо зовут! Даже не просто Жукова, а Черножукова! А меня — Вячеслав Абрамович Лейкин. Если не ошибаюсь, ты пишешь стихи?

— Да.

— Очень хорошо! Садись, пожалуйста, где тебе будет удобно.

Я растеряна и удивлена. Не сомневалась, что должен быть экзамен на право писать стихи, на поэтический слух, например, как перед зачислением в музыкальную школу. А меня даже не попросили предъявить образец творчества! Вдруг я обманщица?! Беспомощно оглядываюсь по сторонам.

— Может, ты хочешь почитать свои стихи?

Гора с плеч! Стремительно взлетаю со стула и звонко декламирую полные драматизма строки, где «ветераны, принесшие нам мир с тобой» так удачно рифмуются с «ужасною войной». Увы, никто не плачет. Вячеслав Абрамович даже немного улыбается.

— Спасибо. У тебя есть еще?

— Да. Про маску. Только там рифмы не я придумала. Это был конкурс буриме.

— Хорошо. Ты хотела бы его прочесть?

Я выношу на суд аудитории философское произведение про то, что «часто глупца маску выдает окраска».

— Спасибо. Если хочешь, то можешь сесть, но если тебе удобнее стоять, то пожалуйста.

Я валяюсь на стул. В ушах — звон, ноги из картона. Никогда мне в голову не приходило, что существует выбор: сидеть или стоять. Кроме того — о ужас! — мне ничего не сказали про мои стихи. Плохие они? Хорошие? Если плохие, то где ошибки, и можно ли переписать? А если хорошие, то на сколько: пятерка? или так — четверка с минусом?

После меня читает какая-то девочка, потом еще одна, потом мальчик. И так по кругу до конца. Вячеслав Абрамович не ругает и не хвалит: просто слушает. Но когда ему что-то нравится — это видно: причмокивает, улыбается, а иногда даже смеется, как маленький. Один мальчик читает после всех — его об этом Лейкин специально попросил.

— Севочка, запиши для меня стихи, что ты прочитал, пожалуйста.

Сева кивает, берет листок, выводит на нем неровные ряды строчек.

Если бы я могла, тоже попросила бы записать их для меня. Не только Севины стихи — были еще другие. Может, не такие ошеломляющие, но они пробили брешь в моем пионерском правильном соцреализме. Внезапное озарение: то, что я сочиняла, пела в хоре, было неживым, как пластмассовый виноград на витрине. Я не завидую этим детям. Мой интерес чисто исследовательский: непонятно, откуда берутся такие слова, такие мысли?! С виду — совершенно обычные школьники. Некоторые даже младше меня. Как получают особенные, ни на чьи не похожие стихи?!

Кто эти гордые птицы? Это лебеди.

После перерыва Вячеслав Абрамович рассказывает про какого-то настолько неизвестного мне поэта, что кажется, все — вымысел. Потом читает несколько его стихотворений, собранных из таких внезапных слов, что они напоминают детали алюминиевого конструктора. Записываю на обложке блокнота фамилию на память, хотя совершенно уверена, что ни в какой библиотеке никогда не найдется книжка этого автора.

Занятие заканчивается. Очевидно, что мне — обратно, в среднюю школу, к Некрасову, Твардовскому и сочинениям «Проблема лишнего человека в произведениях Лермонтова, Пушкина или Грибоедова». Я выдавливаю из себя «до свидания». Неуверенно плетусь к дверям. Вячеслав Абрамович мягко придерживает меня за руку.

— Ну, скажи, пожалуйста, тебе у нас понравилось? Было не очень скучно? Ты хотела бы прийти еще?

В ногах сгущаются адреналиновые пружины, сердце мечется, как шарик для пинг-понга.

— А можно? Понравилось. Очень. Хотела бы.

— Вот и хорошо! Прямо в следующий четверг и приходи. Придешь?

— Да.

— Тогда до свиданья!

Мама встречает меня в коридоре, прямо у дверей.

— Мамочка! Мне разрешили приходить еще! В следующий четверг!

Отвдешь меня? Мама, пожалуйста!

— Так тебя приняли в литературный кружок?

— Не знаю. Наверное. Там не принимают. Это по-другому.

Мой ответ смущает материнское сердце.

— Подожди здесь.

Подходит к Лейкину, о чем-то недолго переговаривается с ним и возвращается с довольной улыбкой.

— Все хорошо. Тебя приняли.

Я и так знаю, что все хорошо. Очень-очень хорошо. Даже еще лучше.

— Мама, а можно мы зайдем в буфет?

— Конечно! Там продаются булочки с марципаном. Хочешь?

Темный, мокрый вечер четверга. Почти семь. Сквозь транспортные коллапсы, плотные, как войлок, людские толпы, привычную взвесь полуснега-полудождя я веду дочь в писательский дом. Небольшая канареечного колера постройка, запрятанная в безымянном дворе под боком Обводного канала, вмещает оба местнотимых союза писателей, хоть и в ущерб буфету. В основном здесь грибница ветеранов советской литературы, но встречаются и занятные авторы. Дочь заметно нервничает.

— Мам! С чего ты решила, что мои стихи кому-нибудь понравятся?!

Там одни взрослые. Они ничего не понимают.

— Не все взрослые ничего не понимают.

— Ну, конечно! Ты говорила, что на этом ЛитО вашем есть даже учителя. Думаешь, нормальный человек станет учителем?!

— Сама увидишь!

Поднимаемся на второй этаж. У двери дочь крепко берет меня за руку и одновременно надевает на лицо самое независимое выражение.

Наши собрания случаются дважды в месяц — я жду их. Скучаю по стихам, по лицам. Каждый раз волнуясь, когда читаю свои тексты, хотя не знаю слушателей доброжелательнее и умнее. Каждый раз удивляюсь и радуюсь умению моих друзей извлекать золото из истощенной, казалось бы, породы. И до сих пор не понимаю, каким образом одно присутствие Лейкина открывает в каждом из нас собственный, ни на чей не похожий голос.

— Виктория! Здравствуй, моя радость! Садись куда-нибудь. Вон рядом с Тимочкой место. Подожди, а кто это с тобой?

— Вячеслав Абрамыч, я дочку привела. Ее зовут Ася.

— Ася? А я подумал, Вика Черножукова тринадцати лет. Какая у тебя чудесная Ася! А ты знаешь, Ася, что твоя мать такая же пришла, только в пионерской форме и красном галстуке? Очень звонко читала.

Ася отпускает мою руку, улыбается.

— А какие у нее были стихи?

— Стихи? Ну, как тебе сказать... У меня, кажется, где-то сохранились. Я для тебя поищу!

Не могу больше молчать:

— Нет! Нет! Не ищите, пожалуйста!

Они переглядываются, как старые заговорщики, оба смеются. Подростковый нигилизм, с которым моя девочка не расстанется последнее время даже во сне, тает вместе с подростковой робостью. Этим вечером без видимых усилий она читает свои тексты и с явным интересом слушает чужие.

Через несколько дней дочь приносит мне новое стихотворение. Свободное, искреннее, интересное. То, что раньше зрело в ней мартовской почкой, пробилось наконец наружу молодым клейким листком.

— Мам, когда ты следующий раз пойдешь туда, возьми меня, хорошо? Мне обязательно надо прочитать это Вячеславу Абрамовичу.